Разсказъ стараго псаря.

Кажись немного и годковъ прошло съ тѣхъ поръ—всего 30, 40, а глядитка-сь сколько воды утекло, сколько грѣховъ смыто, а сколько новыхъ набралось! — Да-съ, не тѣ нонче люди, не тотъ и самъ сталъ...

Все измѣнилось, а особливо ужъ по нашему, крѣпостному-то сословію,—совсѣмъ не то стало: теперь баринъ не то чтобы въ зубы ткнулъ, или какъ иначе изобидѣлъ, а просто словомъ что не такъ сказалъ—и сейчасъ ты этта его къ мировому! А мировой-то рядомъ, на одной скамьѣ и посадитъ раба съ бариномъ—сиди, молъ, тутъ! Такъ-то... Охъ, Господи! То-ли было прежде! до смерти запарывали—и то съ рукъ сходило...

Да, многимъ-то оно и было-бы хорошо, старое-то время, а все же иногда, какъ вспомнишь, такъ лобъ перекрестишь, что не вернется. Ей Богу-съ!

А люди-то, люди—совсѣмъ тоже не тѣ стали! Можетъ оно мнѣ, старому дураку, такъ только кажется, по глупости моей старческой, только нѣтъ батюшка, не обессудьте на словѣ-то, не будетъ нынче, какъ погляжу я, такихъ людей, какъ хотя бы баринъ нашъ, покойничекъ, царство ему небесное! Да и самъ-то я каковъ былъ! Нѣтъ, какъ погляжу я, нѣтъ такихъ-то промежду теперешними! Право слово нѣтъ! Вы не смотрите, что я теперь сѣдой да старый,—а лѣтъ сорокъ назадъ—какой молодецъ былъ! Высокій, стройный—кровь съ молокомъ!..

Какъ сяду бывало на коня—дѣвки такъ и заглядываются!.. Только я не охочъ до бабъ былъ, а все больше къ своему дѣлу прилежалъ, къ которому значитъ съ из-

мальства былъ приставленъ – къ псовой нашего-то барина охотѣ. Все бывало либо со щеночками вожусь на псарнѣ, либо чѣмъ другимъ по своему дѣлу занимаюсь... Тихій я былъ парень, не пьющій, только къ охотѣ этой самой приверженъ былъ до чрезвычайности. Разъ даже черезъ это самое пристрастіе такая со мной оказія приключилась, что не выйди случай такой, не спаси матерь пресвятая Богородица,—не быть-бы мнѣ живу! Да видно на роду мнѣ не было написано помирать тогда,—и какъ живъ остался—до сихъ поръ матерь пресвятую Богородицу благодарю...

Было это лѣтъ сорокъ тому.—Я хотя и молодъ былъ тогда, а уже за усердіе мое старшимъ псаремъ при барской охотѣ состоялъ.

Какъ разъ еще ощенилась тогда у насъ на псарномъ дворѣ Найда. Щеночки-то таковые нѣжненькіе вышли и все я съ ними возился: не ѣмъ, не пью самъ—а ужъ сученку накормлю и напою во время. Цѣлый день на псарнѣ сижу, а что въ горницахъ-то дѣется—мнѣ и горюшки нѣтути.

Только вдругъ зовутъ этта меня къ барину. Ну, извѣстно, бросилъ я своихъ щеночковъ—пошелъ.—Прихожу этта въ кабинетъ бариновъ, вошелъ, около притолки сталъ, глянулъ—и ажно ужаснулся: не нашъ баринъ сидитъ, да и только!

Нашъ баринъ-то покойничекъ, Николай Аполлоновичъ, дай Господи ему царствіе небесное, изъ себя этакій ражій былъ, да и красовитъ-то, ухъ какъ красовитъ! Выйдетъ бывало на крыльце: глаза горятъ, брови черныя дугой, усы какъ смоль, высокій, стройный—картина!.. —Какъ гаркнетъ бывало—вся дворня ходуномъ ходитъ! Потому, что грѣха таить-то, грозенъ былъ покойничекъ, ухъ, какъ грозенъ!.. А тутъ—ажно не узналъ его: поблѣднѣлъ, осунулся, сгорбился какъ-то; сидитъ невеселый такой, трубку тянетъ, – а трубка-то и не курится; и въ рукахъ цидулечку какую-то держитъ, и такъ въ неё то и впёрся глазищами, такъ и вперся.

Стою я у притолки—глазамъ не вѣрю—что за притча съ бариномъ? Бывало, какъ къ охотѣ собираемся, такъ

Въ лѣсу.

онъ веселый такой, шутитъ и за все самъ: призоветъ—и сейчасъ этта самъ давай выспрашивать, что та сучка, а тотъ кобелекъ, а щеночки каковы,—а тутъ...—вотъ поди-жъ ты!..

Стою я, боюсь пошевельнуться; а онъ сидитъ и не слышитъ. Стоялъ я, стоялъ, однако таки кашлянулъ,—не слышитъ; я еще,—какъ не живой сидитъ! Собрался я значитъ съ духомъ:—„Изволили, говорю звать, батюшка-баринъ?“—Тутъ онъ какъ быдто очнулся: „Что такое?“ спрашиваетъ.—Я опять свое: „Звать, говорю, изволили“. А онъ на меня этакъ-то посмотрѣлъ, будто въ первый разъ видитъ, да и говоритъ: „А это ты, Петруха?“—Такъ, говорю, точно, батюшка Николай Аполлоновичъ.—„Завтра, говоритъ, чѣмъ свѣтъ, чтобъ охота была! Да смотри у меня, чтобъ все—какъ по струнке, а то ты, говоритъ, меня знаешь?!“—Слушаю-съ!—говорю.—Пошелъ!—Поклонился я, вышелъ. Иду къ себѣ на псарню,—а самъ думаю: что за притчина такая? Никогда такимъ я его, нашего барина то есть, не видывалъ. Что за притчина?.. Думаю самъ, а никому ничего не говорю. Только смотрю—какъ быдто и люди всѣ присмирѣли; въ горницахъ тихо таково—муха пролетитъ—слышно. Что за диво такое?!

Прежде у насъ, хоть баринъ и грозный былъ, а тишины этой не долюбливалъ: постоянно приказывалъ дѣвкамъ въ дѣвичьей пѣсни играть. (Самъ-то холостъ былъ, а въ дѣвичьей дѣвки важивались: положимъ, тогда почитай у всѣхъ то молодыхъ помѣщиковъ такъ бывало). А тутъ—какъ равно покойникъ въ домѣ!.. Ну, однако, дворню то я разспрашивать не хотѣлъ—все одно только набрешутъ, да и некогда было: охоту, стало-быть, нужно обряжать.... Долгенько, чуть не до поздней ночи провозился я съ собачками.... Ну и собачки-жъ были, доложу я вамъ,—теперь такихъ не сыскать, какъ нашъ, хоть-бы къ примѣру взять, Карай, либо Найда! Да что толковать-то! Чай сами знаете, не та нынче псовая охота, далече не та!

Да съ! такъ этакимъ манеромъ провозимшись, умаялся я порядкомъ, да и улегся. Только не спится мнѣ: все эта самая оказія изъ головы не идетъ. А я, вамъ скажу,

дюже барина любилъ-то: хоть и сердитъ онъ бывалъ да и отходчивъ зато; а на охотѣ—такъ такого горячаго, другого, пожалуй, и не сыщешь. Самъ то я хорошъ былъ, а онъ—еще лучше. Почитай за это и любилъ таки я покойничка.

Ну лежу этта, думаю,—что такое? нѣтъ, кажись и все благополучно!.... Какъ вдругъ мнѣ эта цидулочка, что баринъ то читалъ, такъ значитъ въ голову и вдарила! – Эге! вотъ оно думаю, да прямо съ постели къ конюшему нашему. Бужу его. Онъ перепугался.—„Что, говоритъ, такое? Али что неладно?“ – А я его съ перваго-то слова: „Не было, говорю, откуда нарочнаго?“ — Былъ, говоритъ. „Откуда?“—Отъ барышни Залужной. Ага-га, такъ вотъ оно что! Пошелъ я къ себѣ улегся, и тутъ ужъ кое до чего домекнулся.

А барышня то изъ Залужнаго—имѣніе значитъ, такое у нихъ было, отъ насъ недалече—всего верстовъ съ десятокъ, поменѣ—да и пречудная-жъ была барышня! Теперь такихъ нѣту, да и тогда не бывало, какъ вспомню.

Имѣнье-то это выморочное, досталось ей отъ бабки ея, Наталіи Павловны. Жила она въ немъ одна, сама и хозяйничала, ровно какъ мужчина, либо барыня какая старая. Сама-то до всего доходила.—Сирота круглая: ни батюшки, ни матушки, ни братцевъ, какъ есть никого—одна какъ перстъ. А изъ себя дюже таки хороша была, ужъ какъ хороша! И чудная же такая: изъ господъ помѣщиковъ никто къ ней почитай не ѣздилъ, только вотъ баринъ нашъ и то послѣднее время зачастилъ—это я опослѣ узналъ, а тогда все время съ щеночками возился — больно не повадлива и горда была къ господамъ помѣщикамъ. Ну, а къ нашему брату, крѣпостному человѣку, такъ ужъ добра да ласкова была: тогда нигдѣ съ нами такого обращенія не было. Бывало сама по деревнѣ ходитъ: то въ ту избу заглянетъ, то въ эту. И вездѣ-то, ровно анделъ Божій, миръ вноситъ. Для болящихъ сама лекарствія всякія держала и сама изъ своихъ ручекъ пользовала. Разъ и меня, спасибо ей, выпользовала: ударила меня лошадь копытомъ въ руку; сначала то ничего, а потомъ какъ пошло болѣть да гно-

иться,—смертушка моя приходитъ; какъ огнемъ руку палитъ. Сѣлъ я объ тѣ поры на коня, у барина спросился, да къ ней.—Что-жъ бы вы думали?—сама, своими ручками, рану то мою перевязывала, и въ недѣлю какъ рукой сняло, только вотъ шрамъ остался—изволите видѣть?

Ну, думаю, значитъ это у нихъ что промежъ себя вышло, только чтобы такое!... Думалъ я, думалъ, только подъ утро заснулъ.

На утро, чѣмъ свѣтъ.—а у меня уже вся охота какъ съ иголочки блеститъ. Стоимъ у крыльца, барина дожидаемся. Псари-молодцы, въ синихъ казакинахъ, шапки смушковыя съ красными верхами, какъ орлы-одинъ къ одному... А собачки то, собачки—какъ золото, одна другой краше.—Эхъ, гдѣ-то теперь сыщешь такую охоту?... Стоимъ, ждемъ часъ, другой,—вдругъ баринъ выходитъ. Я такъ и ахнулъ: краше въ гробъ кладутъ!..—и одѣтъ-то не по охотничьему. Никогда такого не было! Увидѣлъ насъ—и будто удивился.—„Что это, говоритъ, такое!“

Вотъ такъ окказія! Самъ же авчерась приказывалъ, а сегодня—„что такое!“—Поклонился я:—„Изволили, говорю, батюшка, запамятовать: вчера приказывали быть охотѣ на разсвѣтѣ.“—„А“, говоритъ; повернулся и ушелъ въ горницы.

Мы стоимъ этта, ждемъ—что будетъ? Вотъ выходитъ, и одѣтъ уже какъ слѣдуетъ, по-охотницки: въ венгеркѣ съ шнурами, сапоги высокіе, кинжалъ, плетка, а самъ—будто и не на охоту собрался: согнулся, въ землю смотритъ и глаза—какъ съ просонья.

Сѣлъ одначе на коня. Двинулись мы. Пріѣхали на мѣсто и все то молча: ни пѣсенъ, какъ прежде, ничего. Стали на лазахъ. Я стою около барина. У меня своей своры не было, а должность моя была—досматривать, чтобъ травили исправно и за борзыми глядѣть: какой у такой-то бросокъ, не было-ли угонокъ, и все такое.—А это мнѣ больно обидно было: самъ-то я любилъ потравить, ухъ какъ любилъ!.. Да и улюлюкалъ я зычно!...

Только стоимъ мы. Вдругъ взлаяла Змѣйка, Громило подхватилъ—заварила стая варомъ по матерому. Меня и въ жаръ и въ холодъ кидаетъ, а баринъ сидитъ

себѣ въ сѣдлѣ, ровно не живой, и какъ не слышитъ. Диву я дался – да и только!

Вдругъ выкатываетъ прямо на насъ материкъ. Дуетъ, шельма, во всѣ лопатки! Другіе псари не смѣютъ травить, пока баринъ не спуститъ своры,—а баринъ сидитъ себѣ и въ усъ не дуетъ: смотритъ, какъ волчина утекаетъ—и хоть бы что тебѣ. А собачки-то подозрили — такъ и рвутся со своры. Меня какъ въ лихорадкѣ трясетъ: вотъ-вотъ уйдетъ волчина! Вотъ-вотъ удеретъ анафема! Взмолился я:„—Батюшка,—говорю,—Николай Аполлонычъ! пускайте собачекъ, говорю, вѣдь уйдетъ-то анафема!“—А онъ—какъ не слышитъ!

А волчина знай дуетъ себѣ, знай деретъ! Ужъ и островъ-отъ близко!!.. Ахъ, ты, батюшки!!!.. Тутъ ужъ не помню, что со мной и подѣялось, какъ я только на такое дѣло рѣшился! Схватилъ я свору у барина изъ рукъ, да и спустилъ борзыхъ!!!.. – Тутъ съ меня и горячка соскочила: глянулъ я на барина – а онъ кинжалъ изъ ноженъ, да ко мнѣ!—Господи, думаю, неужто-жъ мнѣ, душѣ христіанской, собачьей смертью, безпокаянной умирать?!

Свѣту я Божьяго не взвидѣлъ, хватилъ коня плетью. да давай Богъ ноги!

Лечу, ажно духъ занимается, а баринъ—за мной!

Не уйтить бы мнѣ въ тѣ поры отъ наглой смерти, да видно Господь молитвами святыхъ угодниковъ спасъ: захромалъ подъ бариномъ конь... А онъ-то его лупитъ, онъ-то его садитъ!!..

Вмигъ долетѣли мы такимъ манеромъ до деревни: я отъ него, а онъ за мной. Дую я прямо на огороды, когда, глядь: впереди—плетень, а за плетнемъ - ровъ. Глянулъ назадъ, а баринъ вотъ-вотъ за шиворотъ цапнетъ; а самъ-то какъ чортъ какой, прости Господи: глазища горятъ, безъ шапки, волосы по вѣтру развѣваются, въ рукахъ кинжалъ, а самъ ажно рычитъ!... Помянулъ я царя Давида и всю кротость его, да какъ вытяну коня плетью...—Онъ, какъ струнка, такъ и перемахнулъ и черезъ ровъ, и черезъ плетень... Только сзади слышу, какъ быдто что упало и стонъ какой-то. Оглянулся я, глядь: лошадь баринова скачетъ, а барина-то на ней нѣту!

Тутъ съ меня и страхъ какъ рукой сняло! Мигомъ я назадъ; гляжу—лежитъ баринъ во рву и не шевелится... Я къ нему. Батюшки! и не дышетъ ровно! Самъ бѣлый, какъ бумага, а около виска—кровь... Вскричалъ я тутъ благимъ матомъ. Сѣлъ и голошу. Больно жалко барина стало! Только что онъ меня зарѣзать хотѣлъ, а тутъ мнѣ его же жалко, да какъ жалко... голошу, ровно баба! Вотъ поди-жъ ты!...

Прискакали тутъ охотнички; взяли мы барина осторожненько и понесли на рукахъ къ дому: благо близко. Идемъ и сами не знаемъ, что и дѣлать! Лекаря — сами знаете, каково теперь, живучи въ деревнѣ, достать, а тогда и пуще того. А баринъ—мертвый, да только.

Принесли мы его, положили въ кабинетѣ. Только смотрю,—а сердечко-то у него бьется! Обрадовался я, свѣту не взвидѣлъ съ радости! Сейчасъ верхового за лекаремъ, а самъ палъ на коня, да къ Антонинѣ Михайловнѣ, барышнѣ-то Залужной. Лечу, а самъ думаю: что же это мнѣ будетъ, когда баринъ-то очнется? Вѣдь запоретъ до смерти, какъ пить дастъ, запоретъ! Придется видно таки помирать смертью окаянной!... Ну, да что тутъ, думаю; будь, что будь, лишь бы ожилъ баринъ-то!

Прилетѣлъ я въ Залужное, да прямо къ барышнѣ въ ноги. „Барышня,—воплю,—матушка! У насъ неладно!“

— Что,—говоритъ,—такое? Ужъ не пожаръ ли?

— Баринъ,—говорю,—Николай Аполлоновичъ убился!

Только сказалъ я это, глянулъ на нее и самъ спужался: побѣлѣла какъ полотно, пошатнулась, да справилась: какъ-то губки искривила, да и говоритъ: „Что-жъ, говоритъ, царствіе небесное!“

А я говорю: „Да они, живы, а я, говорю, пріѣхалъ, не будетъ ли лекарствица какого, значитъ, а то лежатъ въ безпамятствѣ, ровно не живые!“

Только я это вымолвилъ, а она какъ крикнетъ:—„Живъ!“—да какъ колосъ подкошеный, такъ и повалилась...

Вотъ, думаю, и у праздничка: двоихъ зарѣзалъ я, песъ окаянный! Что-жъ мнѣ теперь будетъ?—А ее, барышню-то, горничныя дѣвушки подхватили и въ горницу отнесли;

а я стою на крыльцѣ на колѣняхъ—обалдѣлъ, да и все тутъ! Наконецъ къ дѣвушкамъ уже взмолился: —„Выручите,—говорю,—голубушки! не дайте помереть душѣ христіанской! Дайте снадобьица какого для барина!—голошу я этакимъ манеромъ, когда выходитъ одна, Параней звали,—славная дѣвка была; она при барышнѣ состояла и лечила вмѣстѣ съ нею,—значитъ, выходитъ она ко мнѣ и даетъ пузырекъ какой-то.

— На,—говоритъ,—барину твоему виски потри. Да поворачивайся, чортъ! Нашей барышни,—говоритъ,— чуть не заморилъ!

— Что,- говорю,—развѣ жива?

— Извѣстно-жъ,—говоритъ,—жива! Не пропадать же ей изъ-за тебя, пса подлаго.

Полегчало мнѣ; малость отъ сердца отлегло. Взялъ я пузырекъ тотъ, на коня, да и назадъ.

Прилетаю.

— Очнулся баринъ! спрашиваю.

— [illegible] говорятъ.

Ахти мнѣ! Прямо я въ кабинетъ и давай тереть барину этой водицей виски. Тру, тру—ничего не помогаетъ. Лежитъ не дышитъ - а теплый.

Ну, думаю, приказалъ баринъ долго жить!..—Палъ я ницъ на полъ и взвылъ по-волчьи. Таково ужъ мнѣ горестно, да печально стало: не дай Богъ! Лежу и вою, а кругомъ дворня стоитъ. Вдругъ слышу, всѣ кругомъ зашевелились. Глянулъ: барышня Залужная въ двери входитъ, и какъ увидѣла барина—прямо къ нему такъ и бросилась. А за ней Параня, и ящичекъ съ лекарствіями у ней, въ рукахъ. Глянула барышня на меня, а у меня въ рукахъ пузырекъ, что Параня дала.—„Это, говоритъ, что такое?“—Это Параня мнѣ, говорю, дала, виски барину тереть, да не помогаетъ.—„Дай-ка сюда“, говоритъ.—Посмотрѣла—„Это, говоритъ, свинцовая вода!“ Ну, дальше взяла она какой-то спиртъ, потерла имъ барину виски, дала понюхать, гляжу—баринъ мой вздохнулъ! А барышня говоритъ людямъ: „идите себѣ отсюда; видите, живъ вашъ баринъ“. Тѣ себѣ пошли, а я—куда тамъ; ни съ мѣста—такъ и впился въ барина

глазами. Посмотрѣла на меня барышня, усмѣхнулась еще разъ таково ласково: «ну а ты, ты, говоритъ, ничего; ты оставайся.“

А я стою, какъ одурѣлый, и не слышу. Только взяла она другой пузырекъ, потерла виски барину опять, — баринъ-то вздохнулъ и глаза открылъ.

Какъ увидѣлъ этта онъ её — какъ ожилъ: схватилъ ручку и такъ и замеръ, такъ и впился въ неё губами. А ручка у барышни нѣжненькая была таковая, бѣленькая, и ноготки розовенькіе. Я помню дивовался еще когда она съ моей рукой возилась пальчушками то своими.

Гляжу я на нее—а самъ плачу. А она покраснѣла и говоритъ что-то барину по французскому. Баринъ глянулъ на меня, покраснѣлъ, и самъ говоритъ ласково этакъ и голосъ слабый такой: „иди, говоритъ, себѣ Петруха!“

Въ силу я поднялся и вышелъ, а самъ плачу, разливаюсь, и таково на душѣ у меня легко да хорошо, ровно и не меня казнить будутъ.

Долго барышня была у барина: пока дохтуръ не пріѣхалъ. А пріѣхалъ онъ ажно къ вечеру и то посчастливилось: въ уѣздѣ былъ, верстъ за сорокъ. Пріѣхалъ онъ; побылъ у барина недолго и выходитъ изъ кабинета веселый такой и барышня его провожаетъ.

— Я подъ дверьми кабинета все сидѣлъ на случай нужды какой. — Онъ обернулся къ барышнѣ и говоритъ: „Не извольте безпокоиться! больной вашъ совсѣмъ не опасенъ.“

Обрадовался я. Подбѣжалъ къ дохтуру: „Можетъ, говорю, нужно что, такъ я мигомъ слетаю?“

Усмѣхнулся онъ, говоритъ: „Никакого твоему барину лекарства не надо, окромя барыни!“ и пошелъ ужинать въ столовую.—А мнѣ невдомекъ!

Только часа черезъ два мѣста—зовутъ меня къ барину. Ну, думаю,—конецъ! Видно на расплату идти. Однако пошелъ. Только пошелъ я и позамѣшкался малость: сапоги снималъ, чтобъ не обезпокоить. Вхожу ни живъ, ни мертвъ, въ кабинетъ, глянулъ и ротъ разинулъ: лежитъ баринъ въ постелькѣ, а около сидитъ барышня, сложила

ручки горсточкой, а онъ изъ нихъ вино пьетъ — такъ я ужъ догадался что вино, потому около — бутылка стояла.

Увидѣла меня барышня, покраснѣла и ручки развела: вино то и выплеснулось... А баринъ смѣется. – Я въ ноги: „Не прикажите казнить, прикажите миловать, батюшка баринъ!“

Когда баринъ улыбнулся и говоритъ: „Не казнить, а благодарить я тебя долженъ. Не будь тебя—пропалъ бы я совсѣмъ: не согласилась бы Нина за меня пойти.“

Я валяюсь въ ногахъ, ничего не понимаю.

— Да поздравляй-же, говоритъ, меня и барыню твою будущую.

— Каку таку барыню? говорю.

— Антонину Михайловну, дурень ты этакой!“

Тутъ только я до всего домекнулся. Обрадовался: вижу что кары избѣгъ, а тутъ еще барыня у насъ такая будетъ, что какъ у Христа за пазухой жить будемъ!

— Честь имѣю проздравить, говорю, васъ, баринъ-батюшка, и васъ, барыня-матушка.

— Ну, баринъ говоритъ, еще не барыня, а скоро будетъ барыней. А теперь поднеси ему, Нина, вина, говоритъ, пусть за наше счастіе выпьетъ!

Поднесла мнѣ барышня изъ своихъ ручекъ такого вина стаканчикъ, что я и отродясь, да и послѣ того не пивалъ.

Выпилъ я. А баринъ опять:

— Ну, говоритъ, ты мнѣ слуга вѣрный, сослужилъ мнѣ службу хорошую—сосваталъ ты братъ меня! Такъ я теперь тебя, свата дорогого, беречь долженъ и, чтобы впередъ такой окказіи, какъ сегодня не случилось, и чтобы я тебя какъ нибудь не зарѣзалъ, дарю тебѣ мою свору: Удара, Карая и Стрѣлку, въ вѣчное потомственное владѣніе!

Обалдѣлъ я совсѣмъ: этакого мнѣ и во снѣ не снилось!.. Лучшую свору изъ всей охоты—и мнѣ!!

Бросился я барину въ ноги:

—„Шутить, говорю, изволите?“

—„Какое шутить!—твоя свора. Иди, бери!“

Тутъ я какъ полоумный бросился къ барину и давай ему руки цѣловать!

„Барышню, говоритъ, благодари—это она все.“

Тутъ ужъ я барышню благодарить! Ножки ей цѣловалъ, себя отъ радости не помнилъ. А потомъ, какъ оглашенный, изъ кабинета — да на псарню! Обнялъ собачекъ своихъ, цѣлую, а самъ ничего и сказать не могу. А онѣ меня лижутъ, лижутъ!.....

.....

Денька черезъ три баринъ съ постельки всталъ, а вскорѣ и свадьба была. Большая свадьба, шумная, народу душъ полтораста было.

Ну и охоту-жъ, доложу я вамъ, тогда устроили! Боже твоя воля!.. Только тамъ ужъ баринъ за мной съ кинжаломъ не гонялся, а я самъ травилъ, своею сворою. И вѣдь лучшая-жъ свора! вотъ какъ... 'знай молъ нашихъ!..

Да-съ, доложу я вамъ: умѣли въ прежнее время казнить, да умѣли и миловать! Ей богу-съ!..

Москвиненко.